

Глава 33. Искусный Ду

Префект Сы Цзин сам был знатным гурманом — иначе не стал бы затевать столь пышное «Испытание ста вкусов». Ду Юньсэ с первого взгляда пришелся ему по душе, и он охотно согласился оказать юноше эту небольшую услугу.

Получив согласие, Ду Юньсэ велел слугам отыскать Шу У за пределами террасы Минфэн и принести девять горшочков с тофу.

Выбирая тару, Цю Хуанянь не поскупился. Он купил горшочки на пару медных монет дороже, но зато они были куда изящнее обычных. Маленькие, размером с ладонь, сосуды из черной керамики были запечатаны длинными полосками-ярлыками. На них красовались простые, но живые изображения кубиков тофу, стручков чили и пряностей, а рядом твердой, каллиграфической рукой было выведено: «Красный ферментированный тофу «Цю цзи»». Выглядело это по-деревенски мило и в то же время со вкусом.

Сы Цзин сразу узнал почерк Ду Юньсэ. Улыбнувшись, он заметил: — Ярлык любопытный. Редко встретишь на этикетках столько рисунков.

Изображения, хоть их и было немало, не создавали беспорядка. Они гармонично обрамляли иероглифы, позволяя с первого взгляда понять, что скрыто внутри. Глядя на нарисованный перец и специи, человек невольно начинал предвкушать остроту и аромат блюда.

— Это была затея моего супруга, — Ду Юньсэ едва заметно улыбнулся.

Сы Цзин внезапно почувствовал некую оскмину, словно от избытка сладости.

«Опять он о своем...»

Он и раньше знал, что Ду Юньсэ души не чает в своей паре — на турнире по случаю праздника Начала лета тот отказался от старинных фолиантов ради шпильки для волос. Но одно дело знать, и совсем другое — слышать об этом на каждом шагу. Юноша произносил это так естественно, с такой затаенной гордостью, что префекту и самому стало любопытно: что же это за человек такой, этот муженек Ду Юньсэ?

Горшочки выставили в ряд. Первым делом Сы Цзин оставил один себе. Затем он вручил по сосуду трем новым сюцаям, чьи стихи к «Цветному фениксу» были признаны лучшими. Оставшиеся пять он отдал не тем дельцам, что донимали Юньсэ расспросами о рецепте, а истинным ценителям, знающим толк в еде.

— Завтра же весть об итогах разлетится по всему Сянпину, и горожане кинутся пробовать «Цветного феникса». Возьмите этот тофу и, благодаря щедрости господина Ду, поспешите отведать новинку первыми.

Минул час свиньи, и город погрузился в ночной покой, когда Ду Юньсэ наконец вернулся в усадьбу Шу. Шу У отправился на постоянный двор, а сестры Хуан остались перекинуться парой слов со старыми знакомыми. Юноша тихо вошел через калитку в юго-западном углу и увидел в окнах главного дома тусклый свет свечи.

Отворив дверь, он застал Цю Хуаняня у края кана. Тот накинул на плечи верхнее платье, волосы его рассыпались по плечам, и сам он, подобно ленивому коту, прикрыв лицо ладонью, медленно зевал.

Юньсэ подошел и бережно поправил его пряди. Шелковистые волосы проскользнули сквозь пальцы. — Отчего не спишь? — тихо спросил он.

Цю Хуанянь моргнул, прогоняя выступившие слезы. — Вернулся наконец? Днем проспал почти всё время, так что ночью сон не шел. Решил, что ты скоро будешь, и зажег свечу — подождать тебя.

Он потянул супруга за рукав, и в мерцающем свете пламени его лицо озарилось лукавой улыбкой. — Ну же, расскажи скорее про «Испытание ста вкусов». Я сегодня чуть со скуки не помер.

Взгляд Ду Юньсэ мгновенно смягчился. Сняв верхнее платье, он поставил на маленький очаг, принесенный Чжэн Иуань, ковш с водой и принялся обстоятельно пересказывать всё, что случилось за вечер.

Выслушав историю о позоре семьи Ду Юньцзина, Цю Хуанянь лишь покачал головой: — Три срока экзаменов... Целых десять лет. Сомневаюсь, что Ду Юньцзин выдюжит.

Такая кара казалась суровой, но на деле слова Фэн Минцзюня о том, что тот «не годен для высокой службы», ранили куда больнее. Сянши — это рубеж, перейдя который, сюцай становится цзюйжэнем, получает землю, освобождается от налогов и обретает право на чин. Но шансы на успех и без того были ничтожны — многие тратили на это всю жизнь.

Хуанянь вспомнил школьный учебник с рассказом о том, как Фань Цзинь лишь в пятьдесят четыре года сдал экзамен на чин цзюйжэня. Видимо, на этот путь действительно уходят десятилетия. Юноша припомнил любопытный факт из статистики: в эпоху Мин средний возраст тех, кто сдавал сянши, составлял тридцать с лишним лет. Даже через десять лет Юньцзину не исполнится столько. С его-то познаниями, едва позволившими ему занять последнее место в списке, он мог бы сдавать хоть каждый год — и всё равно остаться ни с чем.

Будь Юньцзин тверже духом, он мог бы эти десять лет посвятить прилежной учебе, благо статус сюцай давал ему бесплатное место в школе и даже рис на пропитание. Или же он мог открыть свою школу в деревне, стать учителем в богатом доме... Выход был всегда.

Фэн Минцзюнь оставил ему лазейку, но, зная нрав родича, Хуанянь сомневался, что тот сможет наступить на горло собственной гордыне.

Впрочем, Ду Юньсэ судьба этого человека не волновала вовсе. Он смотрел только на своего супруга. — Ты рад, Хуа-гээр?

Тот замер на мгновение, а после рассмеялся: — Зло само себя изжило, как тут не радоваться? Кто бы мог подумать, что последний удар нанесет Ли Гуэр. Теперь в этом семействе начнется настоящая потеха.

Госпожа Чжао, должно быть, готова заживо съесть племянницу, погубившую будущее сына, но приказ сюэчжэна — закон. Ей придется не только терпеть девицу, но и по всем правилам ввести её в семью.

— Когда мы были в деревне, я дважды видел, как Ли Гуэр возвращалась лесной тропой с какими-то узлами. Я еще советовал Вэй Люхуа быть настороже. Видно, не зря. То, что всё семейство проспало полдня, а Ду Юньцзин вдруг «обезумел» — явно её рук дело.

Юньцзин наверняка догадается, кто его подставил, но улики уже не найти. Сюэчжэн велел ему заботиться о «девице из доброй семьи», и парню придется смириться, если в нем осталась хоть капля разума. Однако впереди их ждут долгие годы взаимной ненависти в одном доме. Поистине, Небо справедливо — собрать всех подлецов в одну кучу, чтобы они терзали друг друга.

Вода закипела. Ду Юньсэ налил супругу чашку, разбавив её холодной водой до приятного тепла. Хуанянь обхватил её ладонями, чувствуя, как отогреваются кончики пальцев.

Покончив с рассказом о родственниках, Ду Юньсэ перешел к более приятному — описывал яства и забавные случаи на пиру. Он знал, что Хуанянь любит такие подробности, и специально подбирал слова, чтобы развлечь его. Глаза того заблестели, а в голосе появилась былая живость.

— Тётушка Хуан — первая! Не зря они с сестрой так старались. А ты... — Хуанянь лукаво прищурился. — А ты, я гляжу, мастер своего дела. Ловко всё устроил.

Ду Юньсэ ответил со спокойной улыбкой: — О каком «мастерстве» ты говоришь?

— Э-э... — Хуанянь на миг запнулся.

После переселения в этот мир он старался следить за речью, чтобы не казаться чужаком, но рядом с Ду Юньсэ расслаблялся настолько, что современные словечки то и дело срывались с языка.

Впрочем, смущаться он не стал. — Ты ведь гений, разве не так? Мог бы и сам догадаться по смыслу. Если всё объяснять, станет неинтересно.

Юньсэ понимающе кивнул. Он забрал пустую чашку и, прежде чем поставить её, едва коснулся большим пальцем влажных губ Хуаняня. — В этом ли тоже заключается моё «мастерство»? Правильно ли я уловил твой смысл?

Хуанянь вспыхнул до корней волос. — Ты... ты!..

Он осознал, что в моменты их уединения Ду Юньсэ сбрасывает маску ледяного спокойствия, являя сторону, скрытую от всех. Этот человек порой бывал невыносим в своем лукавстве!

Хуанянь, не желая продолжать разговор, нырнул под одеяло, оставив снаружи лишь затылок. Юньсэ тихо рассмеялся и осторожно освободил его лицо из плена тканей. Его пальцы коснулись кожи, гладкой, словно драгоценный нефрит, и взгляд его потемнел.

— Не прячься, ты еще не оправился, — приглушенно произнес он. — Тебе нужно дышать свежим воздухом.

Хуанянь, спрятав пылающие уши под одеяло, лишь тихонько угукнул, оставив на виду только блестящие глаза. Ду Юньсэ прибрал в комнате, задул свечу и улегся на привычном расстоянии вытянутой руки.

— Сколько человек хотели купить рецепт и какую цену давали? — спросил Хуанянь, возвращаясь к делам.

— Трое просили всерьез. Предлагали около пятидесяти ляннов. Были и те, кто хотел через покупку просто завести со мной знакомство, но я всем отказал под благовидным предлогом.

— Пятьдесят ляннов... На эти деньги можно купить справный домик в столице префектуры.

Хуанянь уже знал цены: за пятьдесят ляннов можно было приобрести небольшое жилье в хорошем районе. А такая усадьба, как у Шу, стоила бы около ста восьмидесяти. Цена за рецепт была отличной, и не будь успеха «Цветного феникса» и славы Юньсэ, за него вряд ли дали бы и половину.

Но у Хуаняня были иные планы. — А что за люди те трое, что просили всерьез?

— Двое — купцы, владеющие крупными трактирами. А третьего ты знаешь — Чжу Цзинчэн, старший брат Чжу Цзинвэя.

Хуанянь вспомнил братьев, с которыми они познакомились на празднике. — У них тоже

поварни?

— Семья Чжу издавна ведет дела с книгами, тканями и фарфором. Пять поколений богатства, истинные столпы Сянпина, — Ду Юньсэ помолчал. — На самом деле Чжу Цзинчэн тоже ищет дружбы со мной, но он куда умнее и терпеливее прочих. Он знает меру и потому предложил ту же цену, что и остальные.

Хуанянь улыбнулся: — Вижу, ты о нем высокого мнения.

— Он рассудителен и тверд. Не заискивает перед сильными, не топчет слабых. Знает, когда нужно выждать. Если бы не купеческое происхождение, он далеко бы пошел на государственной службе.

Хуанянь согласно кивнул: — Тебе скоро вступать в мир чинов, а там лишние слухи ни к чему. С теми, кто сует золото в карманы при первой встрече, лучше дел не иметь. Бесплатных обедов не бывает — рано или поздно придется платить чем-то иным.

Богачи, сулящие золотые горы, ставят на будущее молодого юаньяншоу. Сегодня ты берешь деньги, а завтра они натворят дел, прикрываясь твоим именем, и тогда уж не оберешься позора.

Ду Юньсэ молчал. Он и сам это понимал, но с тех пор, как узнал о слабости здоровья супруга, его принципы начали давать трещину. Он боялся опоздать. Боялся, что время Хуаняня истечет раньше, чем он сам добьется высот. Глубокая река его души наткнулась на острые рифы тревоги.

В призрачном лунном свете он почувствовал, как мягкая ладонь Хуаняня скользнула к его руке. Тот легонько сжал его пальцы, словно пробуя на ощупь, а потом пощекотал ладонь.

Сердце Юньсэ дрогнуло, и он крепко сжал эту проказливую руку. — Я тут о делах толкую, а ты... — Хуанянь попытался изобразить возмущение, но безуспешно.

Юньсэ поднес его руку к губам, не давая вырваться. — Продолжай, Хуа-гээр. Я слушаю.

Теплое дыхание коснулось кожи, и Хуанянь в темноте густо покраснел. Он откашлялся, пытаясь унять забившееся сердце. — Я смотрел рецепты старого лекаря Гу. Те, что дорогие — еще подождут. А нынешние обходятся в один цянь серебра за порцию. В месяц — три лян. Кажется, много, но если продавать сладости и тофу, нам вполне хватит.

— А если не хватит — что-нибудь придумаем. Вспомни, как я хлопок сажал: сперва рассада, потом пересадка. Нельзя вскапывать поле, когда ростки еще в горшках, иначе и рассаду загубишь, и урожай не видать.

— С тобой сейчас так же. Я не смыслю в чинах, но знаю: жизнь — она как поле. Всё должно быть в свой срок. Нельзя тянуть ростки вверх, желая, чтобы они скорее выросли — так ты их только с корнем вырвешь.

Хуанянь чувствовал, что Ду Юньсэ изнутри терзает тревога. Ему было тепло от этой заботы, но он понимал: так нельзя. Он сам прошел через многое в прошлой жизни и знал, когда нужно остановиться. Не всякий найдет в себе силы бросить миллионные заработки в столице ради тихой жизни в деревне.

Цю Хуанянь не мог рассказать о своем прошлом, но мог дать Ду Юньсэ понять главное. — Не спеши, — прошептал он, крепко сжимая руку супруга. — Я буду рядом.

— Сейчас ты — те самые всходы, что радуют глаз своей силой. И я хочу быть с тобой в тот день, когда придет пора собирать богатый урожай.

В душе Ду Юньсэ что-то окончательно растаяло, обратившись в чистое озеро, по берегам которого зазеленели ростки и зацвели сады. Жизненная сила Хуаняня капля за каплей преображала его мир. — Спи, — тихо сказал он. — Завтра будет новый день и новые дела.

В мерцании луны, сохраняя робкую, но неразрывную близость, они уснули, не разжимая рук.

В то же время в доме, что сняла семья Ду Юньцзина, царил содом.

Слуги хозяина, не слушая возражений, побросали их пожитки в тюки и выставили во двор. Ду Баоцюань сидел, закрыв лицо руками, и лишь горестно вздыхал. Ли Гуэр рыдала, разметав волосы по плечам, а Ду Юньцзин стоял посреди двора, уставившись в пустоту остекленевшим взглядом.

— Мы три ляна серебром отвалили! Уговаривались на два месяца, еще десять дней в запасе! По какому праву гоните?! — вопила госпожа Чжао, неистово бранясь во внешнем дворе.

Старая прислужница, которой велели выставить жильцов, лишь презрительно хмыкнула: — У тебя еще язык поворачивается спрашивать? Такую грязь в порядочный дом притащили, стражу и самого сюэчжэна переполошили! Кто ж вас после такого потерпит? У хозяев дом честный, для таких, как вы, места в нем нет. Забирайте тряпье и проваливайте!

Она кивнула слугам, и те подхватили госпожу Чжао под руки. Та визжала, брыкалась, а Фубао кинулся на слуг с кулаками. Соседи уже начали посылать людей разузнать, что за шум.

Хозяин дома, запершись во внутреннем дворе, кипел от ярости. Он сдал комнаты этой семье не ради трех лянов, а надеясь, что соседство с будущим ученым принесет удачу его детям. Кто ж

знал, что к ним подселится блудник и ничтожество, на коем сам глава образования поставил клеймо! Теперь всё предместье знает о его позоре.

— Денег ей надо? Отдайте всё до копейки, мне эти медяки руки жгут! Пусть убираются немедля! — гремел он.

Прислужница вынесла три ляна и швырнула их прямо в лицо госпоже Чжао. Та, забыв о криках, бросилась их подбирать, и в этот миг служанки выволокли её за ворота. Следом полетел и Фубао — его просто вышвырнули за шкуру. Мальчишка покатился по земле, искры из глаз посыпались.

— Хозяин наш — человек святой, всё вернул. Будете еще лаяться — мигом в управу сдадим за грабеж и смуту! И так из-за вас стража пороги обивала. Проваливайте, пока мы добрые!

Чжао и её родня притихли. Власть стражников они сегодня познали сполна — пара слов, и вот они низвергнуты в сточную канаву. Госпожа Чжао еще не понимала, какой крест на будущем сына поставил приказ сюэчжэна. Её больше заботило другое: этот брак.

Какая «девица из доброй семьи»?! Ли Гуэр — обычная потаскуха, соблазвившая её мальчика! Её сыну в жены прочили дочь учителя из уездной школы, а не эту нищелюдку! Знай она наперед, выставила бы девку за порог в первый же день!

Но три ляна были в руках, и Чжао поостыла. В чужом городе им не на кого опереться, лучше скорее вернуться в деревню. Слуги побросали последние узлы, подталкивая Ду Баоцюаня к выходу.

Юньцзин шел сам, пытаясь сохранить остатки достоинства. Но у самых ворот он вдруг споткнулся — кто-то в темноте подставил ему подножку. Он повалился ничком прямо на порог, разбив нос. Рот наполнился кровавой пеной.

Тот самый слуга, которого Юньцзин унижил днем, убрал ногу и тихо бросил: — Так тебе и надо!

Юньцзин в ярости вскочил, но тяжелые створки ворот уже захлопнулись перед его лицом. Ему чудилось, что из темноты на него смотрят сотни глаз, слышался издевательский смех. Он завертелся на месте, но улица была пуста.

Ду Юньцзин расхохотался, и смех его больше походил на плач. Он не понимал, как всё могло так обернуться. Он ведь талантливее Ду Юньсэ! Фэн Минцзюнь не имел права называть его никчемным! Неужто всё дело в том, что у него нет наставника с именем на устах у всей Поднебесной?!

Почему его обвела вокруг пальца деревенская дура? Почему его, как шелудивого пса, гонят прочь, а Ду Юньсэ в это время почивает на лаврах первого ученика в объятиях своей пары?

Он не смирится!

— Юньцзин, Юньцзин, куда ж мы теперь? — госпожа Чжао, испуганная видом сына, подбежала к нему. Старший сын был её надеждой. О Ду Юньху, сыне мужа от первой жены, она и не вспоминала — тот был для неё лишь работником, которого следовало выгнать, как только Юньцзин возвысится.

Юньцзин сделал несколько глубоких вдохов. Фэн Минцзюнь явно потакал Ду Юньсэ, а тот наверняка нашептал лишнего. Он не мог сейчас тягаться с главой образования, но Фэн Минцзюнь не будет вечно на этом посту. А наставник Юньсэ всё еще в опале...

У него еще будет шанс.

— Городские ворота закрыты. Найдем ночлег, а завтра наймем повозку до Чжана, — глухо произнес он.

На следующее утро, когда Цю Хуанянь открыл глаза, солнце уже стояло высоко. Он потянулся на мягком тюфяке, размышляя о том, как легко человек привыкает к праздности.

Тётушка Хуан, окрыленная победой, еще на рассвете ушла на рынок за лучшим мясом — в усадьбе намечался пир. Запах еды просачивался даже сквозь закрытые окна. Услышав, что супруг проснулся, Ду Юньсэ отложил книгу и поднес ему чашку теплой воды.

— Что там на кухне? Пахнет божественно.

— Тётушки хотят устроить обед в честь победы. Не спеши вставать, отдохни еще.

— Ну нет, залежался я. Надо хоть по дому пройтись.

Хуанянь оделся и вышел во двор. Сестры Хуан встретили его радостными улыбками. — Хуагээр, не стой на сквозняке, садись скорее! — Проголодался? Поешь пока паровых пельменей, что Шу У принес, а обед скоро поспеет.

Хуаняня усадили за стол. После вчерашнего на него смотрели как на драгоценную вазу, которой противопоказан малейший ветерок.

— Думал, у вас сегодня отбоя от купцов не будет после такой славы, а вы пиры затеваете.

Данян рассмеялась: — Желающих заманить меня полно. Но я через это уже проходила. Всем

отказала.

Хуанянь прислушался: — Неужто не хотите остаться в Сянпине?

— Остаться хочу, да только не кухаркой в чужом доме. Я за годы накопила немного, а если продать всё в Чжане — хватит, чтобы открыть свою едальню здесь. Хочу на себя работать. С твоим тофу и помощью господина Ду мне и море по колено. С таким-то именем в Сянпине мы не пропадем!

Хуанянь одобрительно кивнул. Судьба рецепта красного тофу его тоже заботила, но он не хотел спешить. Ду Юньсэ позволил префекту распределить горшочки — это была лучшая реклама. Скоро слава о «тофу от юаньяншоу» разлетится по всем знатным домам.

Цю Хуанянь решил, что цену за рецепт можно поднять до шестидесяти лянов, но и этого ему было мало. Он хотел не разовой сделки, а постоянного дохода. В Сянпине рынок для тофу был огромен. Но у него не было ни капитала, ни надежных людей, чтобы открыть свое производство.

Потому идея с Чжу Цзинчэном казалась самой верной. Технологический вклад в обмен на долю в прибыли — вот что ему было нужно. Семья Чжу богата и надежна.

Он поделился планом с Ду Юньсэ, и тот поддержал его. После обеда юноша отправил ответ на приглашение Чжу Цзинчэна. Тот не заставил себя ждать, прихватив с собой и младшего брата, который от радости готов был прыгать до небес.

Встречу назначили в чайной при книжной лавке семьи Чжу, неподалеку от Гунъюаня.

Чжу Цзинвэй, едва войдя, принялся размахивать веером: — И зачем мы в эту скуку поперлись? Надо было в «Башню весенних чар» идти, заказать стол, позвать красавиц с лютнями! Старший брат совсем обделил нас весельем!

Цю Хуанянь поднял голову: — «Башня весенних чар»? И как там, весело?

Чжу Цзинвэй осекся. Он и не чаял увидеть здесь супруга Ду Юньсэ. Взгляд Хуаняня был полон лукавства, и парень густо покраснел. Сболтнул лишнего при гээр!

Чжу Цзинчэн лишь вздохнул и извинился за нерадивого брата. Хуанянь со смехом отмахнулся, подмигнув Юньсэ — мол, не сердись.

Когда речь зашла о деле, Хуанянь предложил вложиться рецептом в обмен на долю. Чжу Цзинвэй даже рот раскрыл: — Впервые слышу о таком... Рецепт вместо серебра? Хуа-гээр, ну и голова у тебя!

— Рецепт приносит деньги, а значит, он и есть капитал, — улыбнулся Хуанянь. — Я доверяю чести вашей семьи, потому и предлагаю такой путь.

Чжу Цзинвэй тут же согласился. А Чжу Цзинчэн, хитро улыбнувшись, произнес: — Раз уж дело новое, пускай Цзинвэй им и займется. Будет отвечать за поварню тофу.

— Я?! — младший брат едва не поперхнулся.

— У меня и так полно дел, а за другими я не услежу. Ты же в дружбе с господином Ду. Да и матушка перестанет ворчать, что ты к делам не годен.

Чжу Цзинчэн хотел приучить брата к труду, а поварня тофу была идеальным местом. Хуанянь поддержал его: — Цзинвэй — наследник рода Чжу, уверен, он справится блестяще.

Тот вдруг ощутил небывалый прилив воодушевления. Впервые кто-то верил в его способности! — Хорошо! Беру это на себя!

В это же время у ворот Сянпина семья Ду Юньцзина наконец наняла повозку. — Из Чжана сюда за три цян везли, а обратно четыре требуют! Грабёж среди бела дня! — причитала госпожа Чжао.

Возница лишь сухо бросил: — Не любо — не бери. Вас пятеро, коням и так несладко придется.

В повозке было тесно, Фубао капризничал, госпожа Чжао злилась. Она хотела оставить Ли Гуэр в городе, но та пригрозила, что пойдет к сюэчжэну. Пришлось терпеть.

Только они тронулись, как повозка резко замерла. Фубао, не удержавшись, врезался прямо в разбитый нос Юньцзина. Тот взвыл от боли, а глаза его налились кровью.

Снаружи раздались голоса. — Кто вы, почтенные, и что вам от нас надобно?

— Не бойся, — ответил старший среди слуг. — Мы от господина Фэн Минцзюня. С тобой дел не имеем. Но у господина сюэчжэна остались к твоим седокам незаконченные поручения.

Внутри повозки Фубао зажали рот, а взгляд Ду Юньцзина стал почти безумным. Его пальцы так сильно вцепились в шею брата, что тот мгновенно начал задыхаться, а лицо его стало багрово-синим.

<http://bllate.org/book/15363/1412325>